

© 2012 г. С.Р. Аванесян

УДК 342

ИДЕАЛЬНЫЙ ТИП РУССКОЙ ВЛАСТИ В КОНТЕКСТЕ ДИНАМИКИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Исследовали все больше относятся к различным аспектам социального и, тем более, политического бытия как к специфическим конструкциям. В современном мире порою очень трудно провести границу между реальностью и симулякром, конструктивными и примордиальными элементами. Но на самом деле так было всегда: с самых первых веков цивилизации, когда человеческое творчество начало опредмечиваться в таких масштабах, которые определяли своеобычие жизненного уклада и мировоззрения целых народов и регионов, взаимоотношения между «реальностью» и образом реальности приобрели противоречивый характер.

В социальном мире определения и концепты имеют онтологическое значение – они определяют наше восприятие и поведение [1]. Концепт власти не является исключением, наоборот, он зачастую оказывается важнее иных социальных концептов, поскольку обладает огромным структурирующим потенциалом по отношению к социальной активности, формам господства и подчинения. Явно или неявно, но концепт Русской Власти лежит в основе важнейшего социального мифа русского общества и русской истории. Современное состояние этого мифа, очевидно, представляет безусловный интерес для исследователя – поскольку этот миф определяет во многом не только текущую конфигурацию политической власти, способы ее легитимации, но и саму логику ее развития. Вторым аспектом интереса является способ существования этого мифа, способ воспроизводства социальной памяти.

Методология конструирования идеальных типов, авторство которой принадлежит Макс Веберу, помогает справиться с задачей восхождения от аб-

страктного, универсалистского восприятия власти к ее конкретным, специфическим для данной институциональной среды, формам и обратно. Идеальный тип не является гипотезой, но он направляет процесс их выработки. Он не является *описанием* реальности, но нацелен на выработку средств, с помощью которых такое описание может быть получено.

Как показывает анализ, говоря о Русской власти, исследователи выделяют ее *насильственный характер*: обладающие такой властью субъекты используют преимущественно насильственные техники навязывания воли. Описывая характеристики Русской власти, Пивоваров подчеркивает связанное с ней насилие, подчас переходящее в деспотизм [2]. Виктор Макаренко делает еще один шаг в этом направлении, утверждая, что любая власть имплицитно или эксплицитно предполагает насилие и террор. Он отмечает, что в российском случае насилие принимает крайние формы, и призывает работать над созданием новой «теории власти, в которой сила и террор государства полагаются главными факторами власти» [3].

Предположение о том, что Русская власть представляет собой *квинтэссенцию властных отношений* в их чистом виде и, следовательно, является необходимой точкой отсчета в любом разговоре о власти, представляется весьма плодотворным. В то же самое время исключительное внимание, уделяемое насильственным техникам навязывания воли, препятствует тщательному рассмотрению других атрибутов власти и делает невозможным восприятие всей ее многогранности. Такая позиция затрудняет различение власти и авторитета, а также объяснение превалирования власти над авторитетом в российском институциональном контексте.

Вторая отличительная черта Русской власти заключается в ее изолированности, дистанционности или солипсизме, то есть *самодостаточности*. Те, кто наделен такой властью, обычно игнорируют права и интересы других. В их сознании все, выходящее за пределы своих собственных интересов, представляется несущественным. Ю.П. Пивоваров противопоставляет в этой связи властецентричную социальную структуру и социальную структуру со множеством субъектов (и, следовательно, источников воли). Властецентричной структуре присущи тенденции к самодостаточности [4].

Два русских термина, которые трудно точно перевести на английский и другие западные языки без потери части смысла – «самовластие» и «самодер-

жавие» – представляются важными средствами осмысления и обсуждения самодостаточной власти, хотя эти категории одновременно являются и продуктами этой власти. Оба концепта глубоко укоренены в российской истории и русской социальной мысли. С формированием централизованного Московского государства оба термина (самовластие и самодержавие) приобрели новый смысл, а именно стали использоваться для указания неограниченного и самодостаточного характера власти в его границах. При переводе терминов на английский язык используются такие слова, как *sovereign power*, или *monarchy*, или *despotism*, или *tyranny*. Причем такая многозначность в большей степени объясняется внутренними противоречиями самих концептов, а не вольностями перевода.

Как известно, В.Ю. Сурковым, бывшим замглавы Президентской Администрации, был предложен термин «суверенная демократия» для обозначения специфики демократической системы в России. Такую творческую концептуальную активность высокого чиновника можно расценивать как стремление повлиять на восприятие власти подчиненными чисто на категориальном уровне [5]. Как отмечают исследователи данный термин продолжает российскую традицию и подчеркивает независимость власти от внешних сил. Однако ряд исследователей идет дальше и указывает, что термин не исключает и автократической интерпретации, поскольку суверенитет предполагает право отмены любых решений, исходящих от других центров власти, независимо внутри или вне страны они находятся [6].

Как российские, так и западные исследователи признают преимущества осмысления Русской власти в терминах патримониализма. Список исследователей, описывающих Русскую власть в терминах патримониализма, включает представителей столь разных идеологических и теоретических направлений, как М. Афанасьев, Ю. Пивоваров, Р. Пайпс и др [7]. В свою очередь, М. Вебер, описывая идеальный тип патримониализма, отмечает как роль традиций в регулировании отношений, так и переплетение власти над людьми и власти на материальными предметами. В развитие методологии М. Вебера российским ученым А.Н. Олейником предложена теоретическая модель Русской Власти как идеального типа. На основе этой модели предлагается следующая концептуализация уже упомянутых выше частично идеально–типических качеств Русской Власти.

Характер самоутверждения – принцип самодостаточности. Русская Власть находит обоснование в себе самой, то есть именно в самом факте реализации власти, она не проистекает из каких-либо иных внешних источников, ее источники исключительно внутренние [8]. При этом, разумеется, вовлеченные во взаимодействие лица ожидают того или иного обоснования, но несмотря на эту потребность в обосновании, власть в своем чистом виде отвечает на этот вызов следующим образом: сам факт реализации власти. Столь характерные для европейских правительств ссылки на религиозные и идеологические принципы используются лишь дополнительно, когда автономия и свобода действий власти уже не вызывает сомнения.

Власть как самоцель. Атрибутивным качеством Русской Власти, вытекающим отчасти из первого ее признака, является постоянное стремление к непрерывному воспроизводству и экспансии. В глазах правителя главным приоритетом является обеспечение стабильности и непрерывности власти, а не устойчивое социально-экономическое развитие, прирост населения или другие показатели [9]. Власть воспринимается теми, у кого она находится, в первую очередь не как средство для достижения подобных целей, а как самоцель. С этим связано и стремление обеспечивать по возможности всеохватывающий характер власти. Власть превращается в исключительно терминальную ценность, даже если декларируется обратное [10].

Насильственные техники навязывания. Власть, которая находит обоснование в себе самой и основная цель которой заключается в самовоспроизводстве и экспансии, опирается главным образом на насильственные техники навязывания воли. Такие же техники как убеждение или обоснование, рационализация находятся всегда в подчиненном положении, они нарушают «подлинность» власти. В противоположность этому, чем «чище» власть, тем сильнее она связана с насилием. По большому счету насилие представляется для Русской Власти даже не столько технологией, сколько самой властью, ее проявлением [11]. При осуществлении управления, Русская Власть, предпочитает негативные санкции позитивным. Эта тенденция прослеживается очень четко как в самодержавные времена, так и советские, где «силовая пропаганда» занимала главенствующее положение. Современные эмпирические исследования также фиксируют данную тенденцию.

Асимметричность в распределении прав и обязанностей. Любая власть предполагает асимметричность во взаимоотношениях между теми, кто ею обладает и теми, кто ей подчиняется. Однако самообоснованный характер власти, а также опора на насилие доводят диспропорции в распределении прав и обязанностей между властителями и подчиненными до крайних форм: права сконцентрированы на одном полюсе взаимоотношений, а обязанности – на другом. Вместо свобод, у подчиненных имеется лишь долг и обязанности – т.н. «тягловый характер» российской социальной системы, Русской Системы [11].

Крайняя асимметричность в распределении прав и обязанностей позволяет ряду авторов видеть в Русской власти случай крайней монополизации принятия решений: лишь один или очень немногие субъекты принимают решения и проявляют инициативу. Например, О.Крыштановская формулирует следующий «железный закон»: «власть может быть только одна, и эта власть – верховная» [12].

Бюрократический характер господства в современном российском обществе является фазой воспроизводства генетической предрасположенности Русской Системы к доминированию властно–политических (административных, государственных) факторов, определяющих все остальные аспекты общественной системы, место и роль социальных групп, ресурсы влияния и экономический порядок. В настоящее время существенным стратегическим фактором, обуславливающим доминирующее положение административно-бюрократического класса в России является расширение сферы государственного (бюрократического) контроля в осуществлении экономической и социальной регуляции.

Независимо от того, как оценивается «строительство вертикали власти в России» – как механизм укрепления дееспособности государства или средство сохранения власти в руках господствующих групп – объективно данная политика реализует стратегические цели бюрократии, которая становится основной силой, цементирующей общество и определяющей направление его развития. Попытки поставить под контроль те зоны, которые при предшествующем (ельцинском) режиме были относительно свободными (СМИ, политические и гражданские организации, региональные и муниципальные структуры), усиление контролирующей роли государства в экономической сфере (увеличение числа крупных компаний, в которых государство владеет

контрольным пакетом, растущая практика использования разнообразных способов вмешательства в дела бизнеса, например, с целью сделать его «социально ответственным») и формировании общественного сознания неизбежно ведут к «расширенному воспроизводству» бюрократии, несмотря на непрекращающиеся попытки (или имитации попыток) сокращения государственного аппарата [13].

Игнорирование обратных связей. Крайняя асимметрия в распределении прав и обязанностей, помноженная на самообоснованный характер власти в ее чистом виде делает излишними обратные связи во взаимоотношениях между властителями и подданными. Обратные связи важны тогда, когда власть находит свое обоснование во внешних источниках, в особенности в общественной поддержке, как в случае плебисцитарной власти.

Лица, наделенные властью, могут позволить подданным выражение личных мнений, но любые попытки объединения последними своих усилий для увеличения шансов быть услышанными рассматриваются как вызов власти. Русская власть допускает лишь индивидуальные жалобы в качестве единственно приемлемой формы обратных связей: они даже помогают верховным властителям лучше контролировать действия своих представителей «на местах». Что же касается коллективных жалоб и петиций, то они строго запрещены [14].

Отсутствие обратных связей приводит к становлению особой социальной структуры, которая может быть уподоблена песочным часам: «узкая перемычка отделяет индивида от государства, социальная жизнь концентрируется в верхней и нижней полусферах часов». Структура в форме песочных часов означает, что связи между теми, кто находится «наверху», правителями, и теми, кто находится «внизу», подданными, чрезвычайно слабы или просто отсутствуют. Опрос, одновременно проведенный с помощью двух выборок – государственных служащих и простых россиян – подтверждает существование пропасти между ними: «чиновники в сегодняшней России являются особой социальной группой, их обособление от остального населения очевидно не только для простых россиян, но и для них самих» [15].

Современная политическая ситуация свидетельствует: российскому обществу, российской политической культуре не органична «демократия», то есть система устройства власти, «опосредованная» обществом, гражданами.

Однако тотальное ограничение формально–правовых процедур, публичного пространства опасно для власти, ее замыкание «в себе» (в атмосфере всеобщего недоверия или в силу «головокружения от успехов») чревато как угрозой «дворцового переворота», так и социального взрыва. Власть в этом случае перестает «слышать» общество: при исключении всякой публичной критики, кроме «дозволенной» (разрешенного «многоголосия на один голос»), она не замечает наиболее болезненных проблем и критических точек развития, не ощущает общественного давления. Все это резко снижает возможности ее адаптации к социальным изменениям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Олейник А.Н. Русская власть: конструирование идеального типа // Политическая концептология. 2010. № 1.
2. Пивоваров Ю. Полная гибель всерьез. М., 2004. С. 66; Пивоваров Ю. Русская политическая традиция и современность. М., 2006.
3. Макаренко В. Русская власть: теоретико–социологические проблемы. Ростов н/Д, 1998.
4. Пивоваров Ю. Полная гибель всерьез. М., 2004.
5. Рогожников М. Что такое «суверенная демократия» // Эксперт. 14 ноября 2005. № 43 (489); Казанцев А. Суверенная демократия: противоречия концепции // Политический журнал. [Электронный ресурс] URL: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=77&tek=6686&issue=187> (Дата обращения 22.01.2012)
6. Поляков Л. «Суверенная демократия»: политический факт как теоретическая предметность. // Общественные науки и современность, 2007. №2.
7. Афанасьев М. Н. Клиентелизм и российская государственность. М., 2000; Пивоваров Ю. Полная гибель всерьез. М., 2004; Пайпс Р. Собственность и свобода. М., 2001.

8. Пивоваров Ю. Полная гибель всерьез. М., 2004. С. 205; Пивоваров Ю. Фурсов А. Правопреемство и Русская власть. Политика. 1998. № 1.
9. Родин И., Самарина А. Премьер за стабильность – но и за демократию // Независимая газета. 14 ноября 2011 г. Доступно в сети Интернет: http://www.ng.ru/politics/2011-11-14/3_premier.html (Дата обращения 18.01.2012)
10. Макаренко В. Русская власть: теоретико–социологические проблемы. Ростов н/Д, 1998; Пивоваров Ю. Русская политическая традиция и современность. М., 2006.
11. Пивоваров Ю. Русская политическая традиция и современность. М., 2006.
12. Крыштановская О. Анатомия российской элиты. М., 2005. С. 107
13. Ледаев В.Г. Власть, авторитет и господство в России: основные характеристики и формы // Политическая концептология. 2009. № 4.
14. Кирдина С. Институциональные матрицы и развитие России. Новосибирск, 2000.
15. Бызов Л. Бюрократия при В. Путине – субъект развития или его тормоз? // Социс. 2006. № 3.

L I T E R A T U R E

1. Oleinik A.N. Russkaya vlast': konstruirovaniye ideal'nogo tipa // Politicheskaya konceptologiya. 2010. ¹ 1.
2. Pivovarov Yu. Polnaya gibel' vser'ez. M., 2004. S. 66; Pivovarov Yu. Russkaya politicheskaya tradiciya i sovremennost'. M., 2006.
3. Makarenko V. Russkaya vlast': teoretikošociologicheskie problemy. Rostov n/D, 1998.
4. Pivovarov Yu. Polnaya gibel' vser'ez. M., 2004.
5. Rogozhnikov M. Chto takoe «suverennaya demokratiya» // Ekspert. 14 noyabrya 2005. ¹ 43 (489); Kazancev A. Suverennaya demokratiya:

- protivorechiya koncepcii // Politicheskii zhurnal'. [Elektronnyi resurs] URL: <http://www.politjournal.ru/index.php?action=Articles&dirid=77&tek=6686&issue=187> (Data obrasheniya 22.01.2012)
6. Polyakov L. «Suverennaya demokratiya»: politicheskii fakt kak teoreticheskaya predmetnost'. // Obshestvennye nauki i sovremennost', 2007. ¹².
 7. Afanas'ev M. N. Klientelizm i rossiiskaya gosudarstvennost'. M., 2000; Pivovarov Yu. Polnaya gibel' vser'ez. M., 2004; Paips R. Sobstvennost' i svoboda. M., 2001.
 8. Pivovarov Yu. Polnaya gibel' vser'ez. M., 2004. S. 205; Pivovarov Yu. Fursov A. Pravopreemstvo i Russkaya vlast'. Politiya. 1998. ¹ 1.
 9. Rodin I., Samarina A. Prem'er za stabil'nost' i za demokratiyu // Neza-visimaya gazeta. 14 noyabrya 2011 g. Dostupno v seti Internet: http://www.ng.ru/politics/2011-11-14/3_premier.html (Data obrasheniya 18.01.2012)
 10. Makarenko V. Russkaya vlast': teoretiko-sotsiologicheskie problemy. Rostov n/D, 1998; Pivovarov Yu. Russkaya politicheskaya tradiciya i sovremennost'. M., 2006.
 11. Pivovarov Yu. Russkaya politicheskaya tradiciya i sovremennost'. M., 2006.
 12. Kryshchanovskaya O. Anatomiya rossiiskoi elity. M., 2005. S. 107
 13. Ledyayev V.G. Vlast', avtoritet i gospodstvo v Rossii: osnovnye harakteristiki i formy // Politicheskaya konceptologiya. 2009. ¹ 4.
 14. Kirdina S. Institucional'nye matricy i razvitie Rossii. Novosibirsk, 2000.
 15. Byzov L. Byurokratiya pri V. Putine – sub'ekt razvitiya ili ego tormoz? // So-cis. 2006. ¹ 3.

Южный

федеральный университет

2 марта 2012 г.